

Лина Маркова

Да, там нет борьбы с судьбой...

О книге Елены Катишонок «Против часовой стрелки»

Новых земель и других морей
Тебе не увидеть — нет!
Город родной, как твоя судьба,
Будет идти вослед.
Тем же кварталом, улицей прежней
Вечно тебе бродить,
В тех же домах сединою снежной
Голову остудить.

Костантинос Кавафис

Любопытный город, Рига. Возможно, и другие большие города многонациональны, куда в разные времена, в силу своих причин, съехались многие этнические группы. В моём родном городе на Украине, на Ивановской улице, где я жила, было много татарских и армянских семей.

В Риге, этом старинном европейском городе, добавившем к своей собственной соседние культуры — немецкую и обе славянские, интересным этническим образованием стали Баку-Рижане. О Донском казачестве у самого Балтийского моря узнаёшь из книг Елены Катишонок. Из того же источника узнаёшь, что поселилась там и группа цыган, которые остались сами собой с цыганско-русским языком.

Случаются книги-друзья. Так случилось с книгой Елены Катишонок «Против часовой стрелки», которая стала мне другом в нужную минуту. Жалко было дочитывать, но дочитав, подумалось, что мысли о ней ведь останутся и со временем вольются в глубокую реку близких друзей жизни. Это вторая книга автора, продолжение романа «Жили-были старик со старухой».

Обе книги — семейная сага от начала супружеской жизни Донского казака Григория Иванова и его жены Матрёны (Старика и Старухи) до четвёртого колена, правнучки Ольги. После Первой мировой Старик и Старуха поселяются в Риге (в обеих книгах именуемой *Городом*), куда двинулись и другие казачьи семьи из Ростова-на-Дону. Многие из них были староверами.

Несмотря на продолжение, вторая книга совсем другая, хотя личность автора и его творческие родники узнаваемо те же. В обеих книгах прежде всего — это живое присутствие персонажей. В силу этого присутствия, и трудно оторваться от чтения, как будто в одном из домов, привычно не замечаемом, вдруг увидишь открытое окно, за которым теплится жизнь, и подумаешь — что там, всё гладко ли хорошо, или как у меня, у нас?

Даже не окно, а всю стену отодвинули куда-то и позволили увидеть жизнь трёх поколений: Григория и Матрёны, их детей, их внуков, а также их родственников,

соседей, и значимых посторонних, услышать их живую речь с их интонациями и словарём, и испытать на себе их привычки, манеры, и реакции. И когда, благодаря авторскому мастерству, вовлечёшься в эту жизнь, тогда не возникает или отпадает вопрос о том, чем замечательны эти люди, почему я о них читаю, когда жизнь так коротка и заполнить ее хотелось бы наиболее значимым?

Почему так долго смотришь на иную картину? Например, «Мальчик с собакой»¹ Мурильо? Потому что оба персонажа этой картины чудодейственно живы на полотне. Они захвачены в движении, в дыхании, в увлеченности игрой. Быть вовлеченным в творчество и есть наиболее значимое заполнение жизни. Ведь все непрестанно ведут разговор о жизни — то сами с собой, то с другими — о своей собственной, а значит и своих близких, жизни друзей и знакомых, жизни обществ, стран, эпох. Когда автору удаётся привлечь читателя к жизни своих персонажей настолько, что читатель начинает с ними вести диалог, страдает с ними и радуется, или ещё глубже — находит много общего со своей жизнью и своими переживаниями, тогда читатель знает, что ему достался счастливый лотерейный билет — участия в созидании творческой энергии, возможности привнести свою лепту в поле искусства.

Войдя в жизнь мебельщика Максимыча и его своенравной, обаятельной жены Матрёны, «мамыньки», с её говорящими соболиными бровями, переболев с ними все перипетии семейных жизней их пятерых детей и похоронив их в первой книге, мы начинаем вторую, которая вводит нас в жизнь старшей дочери, Ирины Григорьевны. Эта жизнь просмотрена, продумана, и снова выстрадана Ириной с передышками на недолгое, но острое счастье, по полному кругу против часовой стрелки.

«Против часовой стрелки» — отнюдь не метафорическое название. Старый, довоенный, до 1939 года, будильник с «металлическим бантиком» для завода — ценнейший для сердца героини носитель-жизни-пенат. Он приобретен в счастливое время самым дорогим человеком, мужем Колей, единственным возлюбленным, отцом ее детей.

Наряду с людьми, в книге, как и в жизни, действуют такие стихии как время, пространство, вера, космос (в виде примет, гаданий и снов), а также одушевлённые предметы быта. И они действуют по-настоящему, без снисходительных оговорок и объяснений, а наравне с людьми и всей той большой и малой средой, в которой обитает человек. Елена Катишонок обладает редчайшей способностью контакта с этими стихиями и дает возможность своим читателям испытать этот контакт всеми пятью и более чувствами.

Как живы иконы, которым молятся, так и обычные вещи могут быть участниками жизни. «В каждом доме существует какой-то предмет, порой нелепый, значимость которого непонятна чужим». «У вещей, как у людей, своя судьба». Если в них вкладывается жизненное значение, вещи несут его, и это бывает заметно даже посторонним.

Таков старый будильник, заслуживающий подробного разговора. Такие же живые и другие вещи. Вот тумбочка, которую смастерил Старик Максимыч и где держал он свои лекарства и газеты. Внучка Таисья поставила на нее граммофон, которым пришла похвастаться. Граммофон никому не пришелся по душе, а маленькая правнучка Ольга, дочка Таисьи и внучка Ирины, назвала его «Магафоном», каковое название перешло ко всей тумбочке. Маленькая Ольга

(Лёлька) стала держать в ней свои детские книжки поверх прадедушкиных газет, и тумбочка вместе с внучкой переехали жить к бабушке Ирине. Потом Лёлька держала в ней свои школьные книжки и тетрадки. И уже через много лет, когда Лёлька стала взрослой, был момент, когда понадобились газеты для оклеивания оконных рам к зиме, а их под рукой не оказалось. Лёлька-Ольга вспомнила про старые прадедовы газеты, которые все эти годы пролежали в «Магафоне» и которые вдруг пригодились для защиты от холода; они обогрели ещё и воспоминаниями — рубрикой «Сегодня» 30-х годов. Так, без каких бы то ни было натяжек, случается символизм в обычной жизни.

Такова и картина над столом, в которой уютно расположились две дамы образца 1910-х за чтением книги, вероятно, приятной. Картина висела напротив Ириной кровати, и та ее постоянно видела, не переставая замечать и постоянно находя для себя малый уют, которым картина никогда не уставала делиться.

Когда понадобилось временно находиться у внучки, «...бабушка [Ирина] всякий раз собиралась положить в торбу будильник, но ограничивалась тем, что заводила его, держала, согревая в руках холодный металл, и... ставила на место. Понимала, что унести его отсюда — всё равно, что снять со стенки и унести картинку с читающими дамами... Пусть они остаются дома».

Картина и «Магафон» были говорящими беззвучно, а будильник говорил вслух, резонировал, и располагал неким словарным запасом. «...был новый день. Будильник возвестил начало этого дня сипловатым, но добросовестным брэнчанием, после чего утратил к нему всякий интерес» — вот одно из многочисленных проявлений жизни будильника в жизни его хозяйки.

В книге он звучит часто, как концертмейстер, задающий оркестру тон. Вернувшись из эвакуации, Ирина находит его в опустевшей квартире.

«...[будильник] безмолвно стоял на подоконнике, лишившись привычного компаньона — комода. Ирина обвела глазами опустевшую квартиру. Взяла в руки будильник и привычным жестом, словно не было этих шести лет, начала медленно заводить: *gegensinnig, gegensinnig, gegensinnig*. Против часовой стрелки. Немецкое слово точно передавало звук завода: действие озвучилось. Будильник задумчиво цокнул несколько раз, а потом застучал, одобрительно прислушиваясь: так-так. Так-так. Так-так...

В последний раз его заводил Коля».

Это органическое, озвученное время, отражено в ритме переживаний героини: «таки-так» или «туки-тук» или «тут как тут».

«У каждого свои часы», говорил Коля. «Новый день беспомощен и слеп, как только что родившийся котёнок, но ты заводешь часы — и в нём оживает память о вчерашнем. Обернуться назад — поворот против часовой стрелки, чтобы ступить вперёд. Помни то, что было утром, вчера, в прошлом году: время движется вперёд, отталкиваясь от памяти. У него нет другой точки опоры».

Итак, будильник, время, память. Память — это не только способность, это само бытие с его главной стороной — этической. Память Ирины — это и ее судьба, судьба постоянной работы памяти, то есть сознания, или присутствия, как сказали бы философы Востока.

Старый будильник из ее далёкого прошлого, любимого и хранимого, несёт в себе поток времени, дарованного ей. Вопреки некоторым философским взглядам, утверждающим, что время не существует, оно присутствует в книге как одна из его инкарнаций в виде старомодного будильника. Оно присутствует в книге как живая стихия — как и земля разных земных пространств, участвующих в жизни семьи Старика и Старухи и их дочери Ирины: Ростов, Прибалтика, Поволжье, *Город*. Один философ² нового поколения выразил это так: «Удивительная вещь, время. Оно как будто «везде»! Все на свете есть время. Даже время — это время. «Приходит ли время, если оно всегда и везде?» — на этот риторический вопрос нет ответа. Нам остаётся только изменить свой статус и надеяться».

На нашем сегодняшнем человеческом языке приходится сказать, что приходит время, когда происходит такое «изменение статуса» как смерть и второе рождение и последующие изменения такого же рода, когда, как сказала одна страдалница, «Надо снова научиться жить»³. Таких рождений на долю Ирины **по** часовой стрелке выпало много.

Но прежде чем обратиться к судьбе главной героини, побудем ещё в магии стихий книги. Автору удалось эти стихии облечь в плоть, и доставить читателям радость, подчас горькую, их воспринимать или даже в них находиться. Такова стихия единства времени-пространства. Самым дорогим для автора и ее героини пространством является город под названием *Город*.

Этот город имярек в обеих книгах Елены Катишонок — одно из лучших воплощений урбанистской идеи. Вместе с Ириной вы ходите и прогуливаетесь по этому старому европейскому городу, видите его улицы и вывески, которыми можно описать историю этой части Европы, вы слышите запах и шорох осенней листвы под ногами, вы ощущаете настроение его улиц, перекрестков, и старинных зданий. Читайте и обращайтесь.

Важной средой-стихией книги является вера. Григорий и Матрёна Ивановы (Старик и Старуха) — староверы, и в этой вере вырастили своих детей. Вера в обеих книгах Катишонок присутствует как часть жизни и быта семьи, как и в классических романах. Но в отличие от неистовой веры по Достоевскому, спасительной веры по Толстому, для Ирины (во второй книге) вера — это не воспитание, не традиция, и не убеждение; это ее природа. Поэтому, в один из самых тяжких моментов ее жизни, когда в милиции у нее отнимают самое дорогое — внуку по причине ее веры, она отвечает полицейской чиновнице на вопрос «Вы в Бога верите?» — «Верю». Этот ответ был не вызов, не подвиг, а как если бы у неё спросили «Вы дышите?», она бы сказала «Дышу». Ответ этот как раз чуть не отнял у нее дыхания: эпизод в милиции закончился инфарктом.

Каждый персонаж верит в меру отпущенного при рождении таланта верить (по Чехову)⁴. Для Ирины вера — это духовная природа ее бытия, она родилась с нею так же, как со своим певческим голосом. По биографии, она староверка, ходит в «моленную». Родись она в любой другой среде, хоть и неверующих, она нашла бы своё поле духовного обитания, и никакие особенности той или иной эпохи не могли бы изменить ее природы. Ведь она чуть не погибла не за убеждения, а потому что физически не выдержала духовного насилия.

У родственницы Надежды, противоположной Ирине по этой духовной природе, вера засела где-то в подсознании как привычка, которая, несмотря на все

«безбожные» разговоры и поступки, заставляет ее зажигать лампадку перед иконой Николая Чудотворца. Однако даже это почти механическое действие спасает — не Надю, а Ирину. Когда, получив инфаркт, Ирина не вышла в кухню, Надя вошла в ее комнату и увидела, что Ирина без сознания. Забыв, что смерть Ирины исполнила бы ее заветную мечту — дополнительную комнату, она вызывает скорую помощь. Вот как психологически убедительно описано это в книге:

«К Тайке [дочери] побежала, не иначе ... и неосознанная надежда на это «не иначе», что означало конец проходной комнате, воплощение мечты... Часто-часто застучал пульс ... Отступила на шаг, испугавшись, и даже взгляд отвела от двери [Ириной комнаты], попятилась; глаза растерянно заметались по стенке и привычно остановились на образе в углу. Лампадка не горела. В ранних ноябрьских сумерках тускло поблескивал серебряный оклад иконы — Николай Чудотворец, избавитель от многих бед. Она осторожно потянула ручку двери, и дверь оказалась не заперта. Ирина лежала, прижав руку к груди и глаз не открывала. Никакой дилеммы и никакого соблазна у Нади не осталось, и думала она уже на бегу, а бежать, она понимала, надо очень быстро».

Для иных вера — суеверие, а суеверие — «бздур», как говорила Старуха Матрёна, имея в виду «вздор». Приметы, гаданья и сны для иных суеверия, а для других глубокий разговор со средой или с чем-то «без лица и названья», но непреложно существующим, с чем надо как-то взаимодействовать. Ирина, хоть и «слукавила», как определил Коля, с цыганкой, которая предсказала ее трагическую семейную жизнь, по природе своей не могла лукавить. Как пушкинская Татьяна, она «верила преданьям простонародной старины, и снам, и карточным гаданьям, и предсказаниям луны».

«Преданья простонародной старины» — это разговор древних с природой, вселенной, со всеми ее элементами. Разговор со звездами, солнцем и планетами стал астрологией. Гаданье, приметы, духи явлений природы, всяческих проявлений и поведения предметов окружающего мира стали объектом церковного преследования. Но мы нисколько не сомневаемся в искренней вере в Бога Татьяны Лариной, несмотря на ее веру «и снам, и карточным гаданьям». Такая вера — это тоже признак таланта, признак глубокой памяти и ощущения своей связи с огромным и малым окружающим миром.

Есть целомудренные чары -
Высокий лад, глубокий мир ...

.....
Иных богов не надо славить:
Они как равные с тобой,
И, осторожно рукой,
Позволено их переставить.⁵

Философия востока и древней Греции связывали познание самого себя со способностью к сознательному взаимодействию с такого рода явлениями. Как ни парадоксально, но религия и наука объединились в этой области, дабы упрощенный материализм (сведенный до пяти чувств) стал доминирующим в сознании современного человека.

Но вернёмся к Ирине и к пласту примет и знаков в книге. Мастерски изображенное единство с окружающим миром и делает книгу такой живой. Наряду с верой в Бога, связь с сигналами из глубин времен и пространств — из космоса — является тканью жизни и судьбы. Вот несколько примеров таких сигналов.

Сопротивление Ирины гаданью цыганки в начале книги вызвано не мировоззрением, а собственным предчувствием беды или — в начале жизни — беспокойством за будущее, поскольку настоящее было счастливым: рядом был любимый и безошибочно выбранный человек. А в таком случае, как мудро писала Ахматова, человек боится потерять счастье: «Пушкин считал гибель только тогда страшной, когда есть счастье.»⁶ Гадание-предсказание, которого боялась Ирина, сбылось.

В другой драматической ситуации Ирина согласится с пониманием соседки-цыганки, что у дочери в глазах есть блеск, но нет света.

Опавшие кулички перед смертью отца в первой книге стали понятным сигналом перед смертью сестры во второй. «Для бабушки причина [почему кулички опали] не имела значения; важен только результат, и результат был зловещим. Сестра?!»

А вот связь с животными: кошка Мурка, умершая в день смерти своего хозяина, добрейшего Федора Федоровича:

«...в то утро Мурка беспокойно кружила по спальне и, вопреки обыкновению, протяжно мяукала, да кто обращал на неё внимание! ...Как вскочила на кровать, так и стояла над его подушкой, недоумённо и жалобно... не мяукая, нет: постанывая. [Тоня, жена] вспомнила и поняла со стыдом, что единственный человек, который бы этим обеспокоился, никогда уже этого не сделает».

Но неспроста, будучи безнадежно больной, Тоня как бы случайно вспоминает Мурку; покойная Мурка напомнила об ее, тониной, собственной участи. И она обращается к сестре Ире, зная, что та бы, вероятно, «обеспокоилась». Тоня просит сестру взять оставшиеся от матери Матрёны украшения для внучки. Но чуткая Ирина отказывается, не желая дать сестре понять, что *слышит*, о чем думает сестра.

А вот и сон Ирины с уходящей по знакомой тропке немолодой женщиной: Ирину «готовят» к очередной утрате члена семьи, младшей сестры. В обеих книгах приводится немало «говорящих» снов. Как известно, сны занимают весьма значимое место как участники человеческой истории и в Библии.

Космос говорит со всеми, но не все это слышат, а некоторые из тех, кто слышит, не хотят с этим взаимодействовать. Ирина не могла не взаимодействовать, поскольку она не только «не воровала» другие души, но и не обкрадывала свою, принимая в свою голову и сердце трудные, необъяснимые явления. Принимая, старалась приспособиться. Она не боролась с судьбой, она старалась прожить выпавшую на ее долю жизнь. И делала она это чисто, ни разу не сфальшивив. (Внучка хорошо, верно называла ее, певунью, Ласточкой: «с нею солнце краше и весна милей».)

Как убедительно описать чистого, почти святого человека? Трудно описать чистого человека, не борца, не героя, но так, чтобы читатель был захвачен. Человека с трагической судьбой, страдающего, но ни сетующего, ни восстающего. Для этого нужен талант памяти и правды жизни, которым обладает Елена Катишонок. «Помнить, что было утром, вчера, в прошлом году».

Абсолютно не способная к лукавству, Ирина дважды в книге «уличена» именно этим словом: один раз мужем Колей, когда она боялась гаданья о своей судьбе и назвала Колю братом; другой раз автором, когда она боялась показать сестре, что понимает, что та тяжело больна. Но эти невинные уловки названы «лукавством» преувеличенно, как доказательство от противного, поскольку относятся к Ирине. Это «уловки» автора, а вернее метко отобранные детали из авторской мастерской-памяти.

Кажется, такими «уловками» являются и эпиграфы книги: из Иова — «а мы вчерашние и ничего не знаем» и из Мандельштама: «В беспамятстве ночная песнь поётся». Автор как раз и поражает своей памятью, так что напрашивается изменить выражение «память — сестра таланта». Впрочем, для этого автора краткость тоже подходит, как мы попытаемся показать дальше. Но Мандельштам и автор имеют в виду «беспамятство»-маревое творчества, среза памяти с прозрачностью воспоминаний, внезапно нахлынувших «в чертог теней».

Первый эпиграф из книги Иова («наши дни на земле тень») сразу настраивает на библейский лад, на то, что в Великой Книге «...непременно отыщется хоть один пассаж, написанный о каждом из нас», как говорит автор. Вот и написана целая книга о судьбе «незамечательного» человека. А уловка, думается, потому, что автор приводит слова из книги праведника *Иова*, возопившего к Богу «За что?» — У Ирины этот вопрос не возникал.

Единственный раз, когда Ирина громко запротестовала, был в детской комнате милиции, когда ее дочь, с помощью властей, отнимала у нее самое дорогое — внучку. Ирина поднимает голос не за себя, она старается уберечь внучку от тяжелой жизни. Этот протест едва не стоил ей жизни: как уже говорилось, к утру после сцены в милиции у нее был инфаркт.

Но если бы только в защиту от чужих бесчеловечных сил был этот протест: в нём и в последствиях его была та страшная боль, которая выпала на долю Ирины-матери. Это был крик отчаяния матери, окончательно понявшей, что ее собственная дочь — «самая чужая», не ее, Иринина плоть, а плоть от плоти этих бесчеловечных сил. И, дочь своей матери Матрёны, не принявшей того, что, по матрениным понятиям, принять невозможно, Ирина решает больше никогда не видеть свою дочь. Едва не заплатив за это решение своей жизнью.

Даже по улице той, где жила дочь, ходить перестала, хотя ничто не могло «...заглушить боли от слов «родная кровь»... Не подкидыш, не кукушонок, не сиротка, взятая на воспитание: родная кровь. Значит, такая кровь? Против этого всё в душе восставало: нет! ...Оставалось в утешение народное присловье: «в семье не без урода».

Страшненькая прговорка.
Или — истина?
Не было ответа, одни вопросы...»

Но примирение не пришло никогда.

Тем не менее, другое поколение, она в воображении своём, считала, что в отличие от матери, была бы благодарна женщине, которая бы сохранила ей мужа. Но... ведь на самом деле она пережила другое — потерю, а не измену, хоть и вынужденную. Эти столь противоречивые ощущения и раздумья говорят лишь о человеческих реалиях, на которых выстроен характер.

Верная своей вере, Ирина остаётся и верной себе: поистине не лукавить. Жена сына, благодарная за помощь в выздоровлении ребёнка, соглашается на просьбу Ирины крестить его. Но крещение неприятно неверующей невестке, и та предлагает крестить ребёнка без ее ведома. На это Ирина отвечает: «Я не ворую души. ...Можно было, конечно, напомнить, что сами крещёные; что ж детей-то... Да мало ли что можно было сказать! Зачем?»

В этом «Зачем?» так много сказано об Иренином характере. Она верна той истине, что душу «младенца тайком или силком» в купель (или куда бы то ни было) окунать не следует. Этот «не-поступок» — природная верность чистоте, правде, а не догме и ритуалу. Это и природная мудрость, что неправдой добра не добыть и никого не переделать.

Что-то библейское есть в характере, в самой природе Ирины. Может быть, это библейская «жестокость», унаследованная староверами, но, скорее, это верность своей душе, это данное ей, как и певческий голос, знание как поступать, чтобы с душой своей было согласие. Существуют учения о том, как такое знание в себе воспитать и построить. Последователи этих учений сознательно выбирают путь такого построения как цель жизни. Ирине такое знание было дано.

Может быть, характер Ирины подсказал и стиль книги, напоминающий библейский. Писательница объясняет: «...человек, проживший долгую и непростую жизнь, — это тоже эпос, крохотный и в то же время огромный, поэтому его родословная заслуживает описания. Лучше всего сделать это по модели великой книги...» И в начале своей книги, двумя главками в библейском стиле, уместившимися на одной странице, она рассказывает о *всей* богатой родословной своей героини. Читается прекрасно, потому что чисто звучит, как говорят музыканты, а не сфальшивить в таком высоком регистре чрезвычайно трудно.

Эпизоды и обстоятельства, отобранные автором для жизнеописания Ирины и других персонажей, представляют собой отдельные главки, как в Библии, с характерными для них началом и окончанием.

«И было утро, и был новый день». (начало)

«И стало так». (конец)

Иногда «главки» расширяются до маленьких новелл. Таков эпизод выступления Ирины на школьном юбилее и многие другие, которые всплывают «по законам внезапности» памяти старого человека — «старой женщины, сидящей с будильником в руке».

Язык книги соответствует сделанной автором высокой заявке о «модели великой книги». Язык, сохраняющий как местный географический, так и колорит отдельных персонажей, емкий, а значит, в большинстве своём, точный. Трудно после этой книги читать другую, — вылезают лишние, ненужные слова.

Известно, что есть люди, которые скажут о книгах Елены Катишонок «так сегодня не пишут». Пожалуй, они правы, если слегка изменить порядок слов: **сегодня пишут не так**. Елена Катишонок пишет так, как хотелось бы сохранить родной язык не только как термин «родной», но и самый родной. Язык книги чист и по словарю и по интонации.

Писать хорошо можно и сегодня, и позавчера, — всегда. И сказал читатель, что книги Елены Катишонок — это хорошо.

---

¹ Эрмитаж, Санкт Петербург

² Сол Арис

³ А. Ахматова, «Реквием»

⁴ А. П. Чехов: «Вера — это талант, с нею надо родиться».

⁵ О. Мандельштам

⁶ А. Ахматова, «Каменный гость» Пушкина»

Лина Маркова о себе:

...По местной терминологии, у меня 2 «мастера»: в электротехнике (Харьковский политехнический институт, инженер-электрик) и в филологии (Харьковский университет, английский и русский языки). Эмигрировала в марте 1971 г. в Израиль, с 1974 живу в США. Работала инженером на Украине и в США. Преподавала в университетах — английский на Украине и русский в США. Занималась переводами «в обе стороны»; здесь в моем переводе вышла книга одного русского врача об альтернативном лечении рака, 1993 г. Последние 20 лет работаю «техническим писателем» в компьютерных компаниях Силиконовой долины, большую часть времени в компании «Интел». Есть несколько (около десятка) печатных статей всякого рода и фельетонов в журналах и газетах.